

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

ГОРИЗОНТЫ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ХРЕСТОМАТИЯ

Составители

В. Ф. Спиридонов, М. В. Фаликман

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Москва 2012

УДК 159.9
ББК 88.4
Г 69

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Г 69 Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. — М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. — 320 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0463-8

Хрестоматия «Горизонты когнитивной психологии» знакомит российского читателя с современными фундаментальными и прикладными направлениями когнитивных исследований, такими как исследования когнитивного развития, телесных, социальных и эмоциональных аспектов познания, его мозговых механизмов. Хрестоматия адресована студентам, аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам, работающим в областях знания, так или иначе связанных с изучением человеческого познания и языка (таких как психология, философия, нейрофизиология, лингвистика, искусственный интеллект), а также всем тем, кто интересуется современными теоретическими и экспериментальными исследованиями познания.

ББК 88.4

В оформлении обложки использована картина Хуана Миро

ISBN 978-5-9551-0463-8

© Авторы, 2012

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ I ПОЗНАНИЕ И ТЕЛЕСНОСТЬ

<i>М. Уилсон.</i> Шесть взглядов на воплощенное познание	19
<i>Дж. Лакофф, Р. Нуньес.</i> Откуда взялась математика: как разум во плоти создает математику	29
<i>Р. Милликан.</i> Укорененная рациональность	49
<i>Б. Тверски.</i> Телесная и ментальная навигация	57
<i>Дж. Барг и др.</i> Автоматизмы в социальном поведении	71

РАЗДЕЛ II ПОЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ И МОЗГ

<i>Н. Кэнвишер, Э. Войчулик.</i> Картирование мозга: новый взгляд на зрительное внимание	83
<i>Д. Милнер, М. Гудейл.</i> Зрительный мозг в действии	109
<i>А. Оуэн и др.</i> Как обнаружить признаки сознания у пациентов в вегетативном состоянии.	123
<i>Н. Кэнвишер.</i> События в мозге и осознанное восприятие	129
<i>А. Гельбард-Сагив и др.</i> Внутренне порождаемая реактивация одиночных нейронов в ходе свободного припоминания.	137

РАЗДЕЛ III КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Дж. Флейвелл.</i> Когнитивное развитие и метапознание	151
<i>Э. МельцOFF.</i> Корни теории психического, познания и общения ...	163
<i>Р. Байяржон, Су-хуа Ван.</i> Категоризация событий в младенчестве. .	175
<i>Дж. Макклелланд.</i> Взаимодействие природы и обучения в развитии с точки зрения модели параллельно-распределенной переработки информации	181
<i>Т. Солтхауз.</i> Когнитивное старение: что и когда?	195

РАЗДЕЛ IV

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

<i>Дж. Баттеруорт, М. Харрис.</i> Социальный контекст раннего речевого развития	205
<i>А. Кармилофф-Смит и др.</i> Существует ли языковой модуль? Язык, распознавание лиц и теория психического у детей с синдромом Уильямса	213
<i>Р. Долан.</i> Эмоции, познание и поведение.	231
<i>Н. Рёзе.</i> Контрфактуальное мышление.	243
<i>Дж. Шерман.</i> Развитие и репрезентация стереотипов.	255

РАЗДЕЛ V

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Э. Лофтус.</i> Ошибки и изъяны памяти	275
<i>Д. Норман.</i> Дизайн привычных вещей	283
<i>Р. Талер.</i> Умственная бухгалтерия — это серьезно	289
<i>С. Мартинес-Конде, С. Макник.</i> Мозг в фокусе	303
<i>Дж. Ризон.</i> Чернобыльские ошибки.	311

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта хрестоматия была задумана как продолжение вышедшей в 2011 г. хрестоматии «Когнитивная психология: история и современность». Сложилось так, что первая хрестоматия не смогла вместить в себя не только всех статей, которые нам хотелось видеть включенными в ее состав, но и всех запланированных разделов. Именно из этих разделов и выросла идея хрестоматии «Горизонты когнитивной психологии», показывающей развитие новых направлений исследований в последние несколько десятилетий. Естественно, эти новые работы наследуют классическим подходам когнитивной психологии (именно поэтому нам постоянно приходится ссылаться на первую хрестоматию), но и воплощают результаты критического осмысления этих традиций и полученных на их основе результатов.

В первые десятилетия своего триумфального шествия, последовавшего за «когнитивной революцией» 1956 г., когнитивная психология и когнитивная наука в целом развивались в русле построения моделей переработки информации человеком. Эти модели могли описывать один психический процесс (например, механизм внимания или памяти) или представлять собой целую «когнитивную архитектуру», воплощающую определенные принципы строения системы переработки информации в целом. Но в их основании, так или иначе, лежала метафора познания как передачи или переработки информации техническим устройством, поэтому большинство подобных разработок были ограничены процессами, для которых находился «технический» аналог.

Тем не менее уже тогда наметились основные линии критики этого направления, как извне, так и изнутри (см., например, Gardner 1987): когнитивистику критиковали за то, что она упускает из виду сознание как условие познания, выносит за скобки мотивационно-эмоциональную регуляцию познания, не уделяет достаточного внимания социальной природе человеческого познания и тем его аспектам, которые генетически и функционально укоренены в особенностях строения человеческого тела и в практических действиях человека. Наконец, под сомнение ставилась сама возможность рассмотрения мозга как *вычислительного* устройства, что поначалу относилось к аксиоматике когнитивной науки в полном соответствии с метафорой, впервые озвученной Джоном фон Нейманом на

Хиксоновском симпозиуме в 1948 г. Иными словами, суть всех высказываемых извне и изнутри претензий сводилась к тому, что мыслит (воспринимает, запоминает, обращает внимание и принимает решения) не система переработки информации, а человек как часть природы, социума и культуры. Как показало дальнейшее развитие когнитивной науки, именно этим «слабым звеньям» предстояло стать ее *зонами роста* в XXI веке.

С тех пор развитие когнитивной психологии и когнитивной науки идет по линии размыкания в окружающую действительность, которое находит свою реализацию в целом ряде исследовательских областей. Прошедшее десятилетие ознаменовалось их усиленной разработкой. Постараемся кратко очертить эти области, предваряя знакомство читателя с текстами, представленными в данной хрестоматии.

«Воплощенное/укорененное познание» (*embodied cognition*). Это направление исследований, абсолютно доминирующее на международных конференциях по когнитивной науке в течение последних нескольких лет, имеет определенную историю. Единичные исследования «воплощенного (телесного) познания» в когнитивной науке проводились, по сути дела, уже с 1980-х гг., однако наиболее громко это направление заявило о себе в 1990-х, после выхода в свет двух книг: это «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт» Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош (Varela, Thompson, Rosch 1991), продолжающий линию вышедшей в 1987 г. и переведенной на русский язык книги У. Матураны и Ф. Варелы «Корни познания» (Матурана, Варела 2001), и «Философия во плоти» Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1999). В первой из работ прозвучала идея укорененности всего человеческого познания в опыте взаимодействия организма с окружающей средой. Авторы второй, развивая свою предложенную ранее идею сквозной метафоричности человеческого языка и познания (Lakoff, Johnson 1980), показали, что основным источником метафор является тело человека в его пространственных взаимоотношениях со средой. Последующие экспериментально-психологические исследования, основанные на данном подходе, позволили продемонстрировать, к примеру, пространственный характер представлений о времени (напр., Casasanto, Boroditsky 2008; Boroditsky 2000¹).

Нередко с понятием воплощенного познания отождествляется такое близкое к нему понятие, как «контекстное/ситуативное познание» (*embedded cognition*), или познание в контексте реальной деятельности. Пафос данной линии исследований состоит в том, что за пределами психологической лаборатории познание разворачивается в среде, в контексте той или иной ситуации (поэтому в качестве синонима иногда используется термин «*situated cognition*»), во взаимодействии субъекта с окружающим

¹ Сокращенный перевод данной статьи опубликован в хрестоматии: Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М. В. Фаликман, В. Ф. Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011.

миром. Во многом это направление исследований вторит идеям «экологического подхода» к познанию, идеи которого то и дело озвучивались в когнитивной психологии. Первые работы в этом направлении появились уже в 1970-х гг. и частично представлены в хрестоматии «Когнитивная психология: история и современность». Подчеркнем, однако, что аспект укорененности познания так или иначе характеризует идеи, лежащие в основе и первой, и второй названной линии исследования.

«Эмоциональное познание» (*emotional cognition*). Наиболее громко проблема роли эмоций в познании прозвучала в среде когнитивистов после выхода книги известного физиолога Антонио Дамасио «Ошибка Декарта» (Damasio 1994), где с привлечением многочисленных экспериментальных и клинических данных был проведен многосторонний анализ недопустимости разделения разума и эмоций («страстей») и их физиологических механизмов. С тех пор в когнитивной науке продолжается неуклонный рост числа работ, посвященных роли эмоций в запоминании, внимании, принятии решения и т. д. Такие исследования имели место на всем протяжении развития когнитивной науки, однако их результаты далеко не всегда находили отражение в основополагающих моделях познания и когнитивных архитектурах. Особенно много работ в области «эмоционального познания» стало в связи с широким распространением метода функциональной магнитно-резонансной томографии. Нередко исследования в рамках данного направления позиционируются как изучение «обработки эмоциональной информации», т. е. эмоциональные процессы оказываются «переведены» на привычный для когнитивной науки язык, а сама она время от времени начинает именоваться «когнитивно-аффективной наукой», что в наибольшей степени характерно для нейронаук. Эти исследования можно рассматривать как своего рода реализацию принципа «единства аффекта и интеллекта» (Выготский 1984) — синтеза, которого когнитивная наука достигла в ходе поступательного развития и накопления эмпирического материала, который с определенного момента уже невозможно было не принимать во внимание. Однако данное направление, как и предыдущие, развивалось преимущественно «снизу вверх», от данных к теории, построение которой на данный момент является для когнитивной науки делом будущего.

Распределенное и социальное познание (distributed cognition, social cognition). Проблематика «распределенного познания», или познания, разделенного между по крайней мере двумя людьми, возникла прежде всего в контексте психолингвистических и нейролингвистических исследований: не обращаясь к рассмотрению взаимодействия познающего субъекта с другими людьми, затруднительно было объяснить, каким образом он усваивает язык. В качестве одного из механизмов освоения языка был выделен механизм так называемого «совместного внимания», который играет важнейшую роль в языковом и социально-эмоциональном

развитии ребенка, а также в обучении и совместной деятельности взрослых людей. Первые идеи о природе совместного внимания высказал один из отцов-основателей когнитивной психологии Джером Брунер, которому принадлежат и первые экспериментальные исследования в данной области (см., напр., Scaife Bruner 1975), а в числе основоположников этого направления можно назвать Майкла Томаселло, чья книга недавно вышла в переводе на русский язык (Томаселло 2011). Томаселло развивает предложенную Л. С. Выготским схему диадических взаимодействий в развитии ребенка («Ребенок-Взрослый»), предлагая схему триадических взаимодействий «Ребенок-Предмет-Взрослый», где предмет как раз и становится фокусом совместного внимания, вокруг которого строится взаимодействие и общение («коммуникация»), в основе которых, в свою очередь, лежит так называемая «совместная интенциональность», или способность к разделению целей и намерений, развивающаяся путем интериоризации социальных взаимодействий. Развитием именно этой линии исследований можно считать активно разворачивающееся в последние годы в когнитивной нейронауке изучение так называемых «зеркальных нейронов» (на русском языке см.: Риццоллатти, Синигалья 2012) как возможного механизма социальных форм познания, избирательно страдающего при аутизме (см. Dapretto et al. 2005).

В последние годы в когнитивной науке более широкое распространение получил термин «социальное познание», расширяющий идею «распределенного познания» до изучения когнитивных аспектов любого социального взаимодействия и социальных влияний на когнитивные процессы и частично пересекающийся с проблематикой эмоционального познания. Несмотря на отчетливую связь с проблематикой «распределенного познания», проблематика «социального познания» предполагает принципиально иную расстановку акцентов: в первом случае в качестве основы исследования выступает (вернее было бы сказать «проступает») диалогичность человеческого познания, в то время как во втором речь идет скорее о когнитивных механизмах социального взаимодействия и социально-психологических феноменов как таковых (в частности, аттитудов, социальных стереотипов и т. п.). Особый вопрос, с 1990-х гг. широко дискутируемый в когнитивной психологии и нейронауке, состоит в том, можно ли рассматривать социальное познание как один из «модулей» познавательной системы человека в смысле Дж. Фодора². С одной стороны, социальные функции, имеющие особое значение в эволюции человека как вида, избирательно страдают и оказываются столь же избирательно сохранены при определенных видах нарушений психического развития, а с другой стороны, они слишком многоаспектны для трактовки

² Отрывки из книги Дж. Фодора «Модульность психики» см. в хрестоматии «Когнитивная психология: история и современность». М.: Ломоносовъ, 2011.